

ЗИГЗАГИ СУДЬБЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г50

Иллюстрации выполнила Мария Пинкисевич

Г50 **Зигзаги судьбы** / Мария Гиппенрейтер. – Москва :
Издательство АСТ, 2016. – 256 с. – [ил.]

ISBN 978-5-17-091101-1

«Зигзаги судьбы» — это не просто описание жизненного пути, это невероятно честный и искренний рассказ о том, как человек всей душой стремиться к слиянию с природой и на что он идет, чтобы этого достичь.

Это книга о свободе, о внутренней свободе и обстоятельствах, что иногда встают на пути.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-091101-1

© Мария Гиппенрейтер, текст
© ООО «Издательство АСТ»

ЗИГЗАГИ СУДЬБЫ

*Я посвящаю эту книгу
моим детям — Егору, Маше, Вадиму
и Алисе, которые всегда сопровождали
меня во всех моих скитаниях и поисках,
переживали и разделяли со мной
трудности, радости и приключения и,
взрослея, становились моими
близкими друзьями и учителями.*

В первой книге «Бегство к себе» я описала свое детство и достаточно бурный подростковый период, остановившись на своем 20-лети. Дальше началась моя взрослая и самостоятельная жизнь, не менее насыщенная приключениями и продолжающимися поисками.

БЕЛОЕ МОРЕ

Итак, отпраздновав в Москве свое 20-летие, я уехала на Кольский полуостров на Беломорскую Биостанцию МГУ. Это научно-учебный центр Московского университета, где студенты биофака летом проходят полевую практику. Располагается эта биостанция на берегу Белого моря в Кандалакшском заливе. Попасть туда летом можно было только по воде, доехав на поезде до станции Пояконда, так что за мной прислали небольшой станционный катер под названием «МРБ», что расшифровывалось как «малый рыболовный бот».

Мне выделили жилье и оформили на должность лаборанта. Обязанности были довольно разнообразными. Нужно было регулярно брать пробы морской воды со дна и делать их анализ. Я часами рассматривала в бинокляр всякую разноцветную мелкоту, составляющую придонную фауну. Бинокляр — это почти как микроскоп, только с двумя окулярами и меньшим увеличением. Для него не нужны предметные стеклышки, и можно было рассматривать все прямо в воде объемно и в живом виде, что было необыкновенно интересно — открывался совсем другой мир. Также я должна была каждый день замерять температуру воды на определенной глубине. Помню, меня поразило, что зимой самая низкая температура воды была не 0, а -2,7.

А еще в лабораторном здании были морские аквариумы. Находились они в помещении, где пол и стены были выложены кафелем. В аквариумах жили разные рыбки, раки-отшельники, актинии, морские звезды, губки, эфиуры, креветки и всякая другая живность. В мои обязанности входило за всем этим следить, кормить и периодически чистить дно и стенки. Аквариумы были соединены системой трубок, через которые постоянно поступала и сливалась морская вода. Вся эта система иногда засорялась и давала сбой, и тогда случался грандиозный потоп. Придя утром в лабораторию, я обнаруживала себя по колена в воде с плавающими вокруг рыбами, ползающими крабами, морскими звездами и резвящимися креветками. Сначала нужно было всех их выловить, а потом начинался долгий процесс вычерпывания с пола воды. В ход шли ведра, тряпки... Иногда кто-нибудь сочувственно помогал. Эти потопы вносили некое разнообразие в мою работу. Часто, гуляя по отливной полосе, я находила что-нибудь интересное и пополняла этим население аквариумов.

Через пару месяцев ко мне приехал Володя. Его тоже оформили лаборантом, и он стал мне помогать, хотя больше специализировался по всяким техническим неполадкам. Мы стали жить вместе,

и это было первым подобного рода опытом в моей жизни. Родителей рядом не было, не нужно было ни перед кем отчитываться и объясняться, и я почувствовала себя совсем взрослой. У меня, можно сказать, началась семейная жизнь. Володя был старше меня на десять лет и, помимо влюбленности, вызывал у меня чувство благоговения. Он казался очень взрослым и опытным, и мне хотелось его во всем слушаться. Мы все делали вместе, все было ново и интересно. Часто ездили на рыбалку на весельной лодке. Для этого надо было отплыть немного от берега и опустить в воду тонкую веревку с привязанным к ней крючком. Иногда даже наживка была не нужна. Рыбы было так много, что она хватала голый крючок. Ловили таким образом, в основном, треску. За полчаса можно было надергать ведро рыбы. Я и не подозревала, что свежая треска может быть такой сочной и вкусной. Та треска, что продается в магазинах, вымороженная, сухая и лишенная всякого вкуса — жалкий отголосок настоящей рыбы. Еще мы ловили селедку. Свежая, потушенная в собственном соку и сливочном масле, она оказалась необыкновенно вкусной и нежной.

Началась полярная зима. Красное солнце ненадолго поднималось над горизонтом и пройдя вдоль него на запад, опять закатывалось. Осве-

щение было очень необычным. Низкое солнце отбрасывало длинные причудливые тени от деревьев и сугробов на белое полотно замерзшего залива. В середине залива оставалась небольшая полоса воды, которой приливы и отливы не давали замерзнуть, и над ней всегда поднимался пар. Там большими стаями толклись, шумели и кормились утки гаги, оставшиеся зимовать.

Мы с Володей часто ходили на лыжах, а порой в качестве зарядки перекалывали целые поленицы дров одиноким старикам. Иногда мы выходили на небольшой весельной плоскодонке в открытую воду, плавая среди льдин и снежной шуги. Однажды, в один из таких выходов, в залив пришли киты белухи. Они стали резвиться и выпрыгивать из воды недалеко от лодки. Это было необыкновенное зрелище и ощущение. Хотя белухи и не очень большие киты, но в закрытом с трех сторон заливе, среди льдин и по сравнению с нашей маленькой плоскодонкой, они казались гигантами.

Короткий зимний день, не успев начаться, быстро заканчивался. Наступал длинный вечер. Дома было тепло и уютно, горела настольная лампа, топилась печка. Я подолгу занималась, так как продолжала учиться, потом мы ставили пластинки и слушали классическую музыку.

На биостанции была русская баня. Ее топили раз в неделю, и мы ходили туда париться. Оказалось, что правильно парить и париться — это целое искусство. В поселке жило несколько местных семей, и среди них были две старухи, которые этим искусством владели. Они запихивали меня на полку, поддавали пару с какими-то травами, и начинался обряд. Скороговоркой бормоча длинные заклинания и заговоры, мелкими взмахами веника, не касаясь кожи, они нагнетали пар, и горячая волна прокатывалась по всему телу. Когда пар немного остывал, начинали хлестать веником, продолжая что-то бормотать. Потом выталкивали наружу в сугроб. Делали таких три-четыре захода. Вначале я не выдерживала и пяти минут, скатывалась с полки и выбегала наружу. Но бабки заставляли терпеть, говоря, что это вся парша и хворь выходят и дальше будет легче. Постепенно я действительно привыкла и стала выдерживать полные процедуры. После такой бани кожу долго покалывало мелкими иголочками, и было необыкновенное ощущение легкости во всем теле.

Вскоре обнаружилось, что я беременна. Это было полной неожиданностью. Нужно было ехать в Москву на зимнюю сессию, и я с ужасом

думала, как скажу об этом родителям. Мама с Алешей не одобряли моего выбора и считали, что Володя мне совсем не подходит. Он был сильно старше, без образования и из рабочей семьи. Мне это казалось полным абсурдом. Какое все это имеет значение, если есть любовь? Она все уравнивает и все преодолевает. Это было мое убеждение, и я хотела это доказать. Тем не менее ребенок пока в мои планы не входил, и я поехала в Москву с намерением сделать аборт.

В Пояконде у нас были друзья из местных жителей. Узнав, что я собираюсь в Москву, они решили сделать мне и моим родителям подарок. Поморы заготавливают на зиму бочки селедки. Рыбу подсаливают, дают слегка протухнуть, и все это потом замораживается. Это селедка с духом считается деликатесом. Мне наложили полмешка такой замороженной селедки и велели отвезти в дар родителям. По тем временам полмешка рыбы было очень щедрым подарком. Я села в поезд. Мне досталась боковая полка, так что я засунула мешок с рыбой под сидение, заткнула его своим рюкзаком и устроилась спать. Через некоторое время селедка, видимо, начала оттаивать, потому что по вагону потянуло подозрительным запахом. Я делала вид, что ко мне это не имеет никакого отношения.

В теплом вагоне селедка продолжала подтухать, мешок протек, и из-под моего сидения предательски потянулась тоненькая струйка вонючей жижицы.

Промучившись два дня в страхе, что меня снимут с поезда, я, наконец, прибыла в Москву. Предстояла поездка в метро. Войдя в вагон, я забилась в угол, загородив мешок рюкзаком и своим телом, но это не помогло. До своей станции доехала в пустом вагоне. Люди заходили и тут же выскакивали и переходили в другой вагон. Войдя домой, я с облегчением протянула мешок с рыбой родителям: «Это вам подарок от поморов. Должно быть вкусно». Моя миссия была выполнена. Мешок вынесли на балкон. Через некоторое время меня аккуратно спросили, не возражаю ли я, если его вынесут на помойку. Я не возражала.

Знакомая врач-гинеколог отговорила всех нас от аборта, приведя несколько веских доводов и сказав, что, в конце концов, ребенок — это большая радость. Так что, отучившись зимнюю сессию, я вернулась обратно на биостанцию, сохранив ребенка. Первые месяцы беременности проходили трудно. Меня все время тошнило, я не могла переносить никаких запахов ни еды, ни парфюмерии. Единственное, что меня уте-

шало, — это запах лошади и конского навоза. Я ела зубную пасту, и по ночам мне снились свежие помидоры. Чтобы как-то удовлетворить потребность в помидорах, я покупала трехлитровые банки томатной пасты, разводила их водой и пила.

Наступила весна, потом началось полярное лето. Тихая биостанция ожила, одна группа студентов сменяла другую, стало шумно,людно и весело.

В белые полярные ночи никто не хотел спать. Жгли костры, пели под гитару песни, играли в волейбол. Я тоже во всем участвовала и даже играла в волейбол в команде, подвязав живот бандажом. Днем шли практические занятия. С помощью двух студентов-практикантов я освоила работу на микротоме. Это достаточно большой прибор с тяжелым и острым ножом, который позволяет делать микроскопические срезы с любых биологических тканей. Мы готовили препараты для микроскопов. Сначала нужно было выловить какого-нибудь червя, залить его в парафин и поставить в специальный сушильный шкаф, чтобы все ткани пропитались парафином. Дальше на микротоме делались тончайшие срезы толщиной от 1 до 50 микронов через разные части организма. Толщину можно